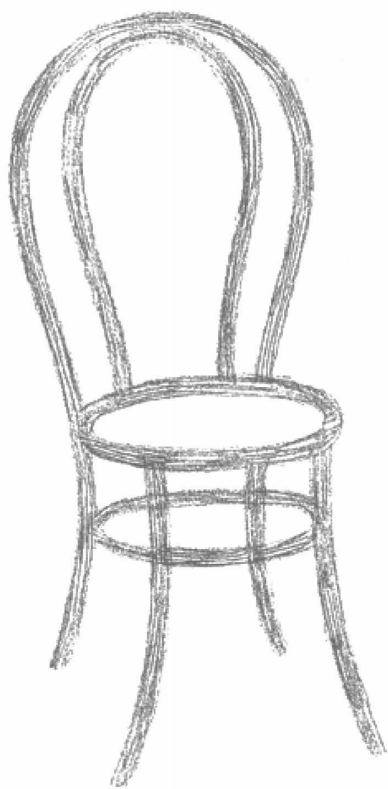

Об авторе

Джованни Салониа – психолог, психотерапевт, профессор социальной психологии в университете LUMSA в Палермо. Преподает в Università Pontificia Antonianum в Риме. Научный директор Школы Гештальт Терапии Института Гештальт Терапии hcc Kairos (Венеция, Рим, Пагуза). Преподает также в католическом университете Università Cattolica del Sacro Cuore в Риме. Джованни Салониа – широко известный международный тренер в гештальт-терапии, многократно приглашаемый множеством итальянских и зарубежных университетов и институтов. Президент Итальянской Федерации Гештальт Институтов (FISIG). Автор книг *Interpersonal Communication* (with H. Franta), *Kairòs, Odòs, Sulla felicità e dintorni* и соавтор *Devo sapere subito se sono vivo, La luna è fatta di formaggio, Danza delle sedie e danza dei pronomi*, множества статей по клиническим и антропологическим темам. Основал и руководил журналом *Quaderni di Gestalt* (1985-2002), с 2008 – научный директор психотерапевтического онлайн журнала GTK.

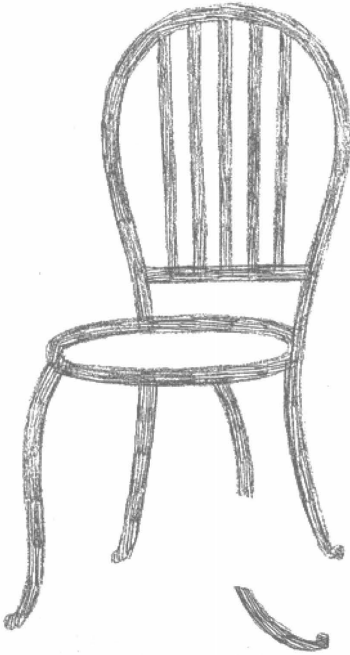

Содержание

Биография	5
Предисловие: От Гештальт и Семейной Терапии (ГСТ) к Семейной Гештальт Терапии (СГТ)	11
Благодарности.....	13
Нить Ариадны.....	15
Глава 1. Постмодернизм и семья: базовые модели отношений	19
Модели отношений в историческом контексте.....	19
Изменения, достижения и нарушения семейной жизни.....	24
Глава 2. Разработка моделей семейной терапии: между исторической преемственностью и современными перспективами	29
1. Контекст происхождения.....	29
2. К эпистемологии процессов.....	30
3. Пионеры семейной терапии: устаревшее и актуальное.....	31
3.1 Психодинамические (психодинамические) теории.....	32
3.2 Филадельфийская школа и межпоколенный подход.....	33
3.3 Системная терапия.....	36
3.4 Стратегическая терапия.....	38
3.5 Эмпирическая терапия: символично-эмпирический и интегрированный гуманистический подходы.....	39
4. Семейная терапия и «текущая» семья.....	
Глава 3. Возникновение и модели Гештальт-и-Семейной Терапии	45
1. Предыстория.....	45
2. Первый этап: в фокусе осознание и выражение эмоций.....	46
3. Второй этап: качество контактов между членами семьи.....	50

Глава 4. К новой модели семейной гештальт-терапии: танец стульев и танец местоимений	55
Предположение: ограничения гештальт терапии или ограничения гештальт-терапевтов?	55
1. Переосмысление Ид-функции Self в семье	58
1.1. <i>Тела-среди-тел: межтелесность</i>	58
1.2. <i>Изменение тел: жизненный цикл</i>	61
1.3. <i>Self, сфокусированное на Ид-функции</i>	63
2. Переосмысление функции Личность	64
2.1 <i>Функция Личность: характеристики</i>	65
2.2 <i>Родительская функция Личность</i>	71
2.3 <i>Со-родительская функция Личность</i>	73
2.4 <i>Нарушения функции Личность «со-родительство»</i>	77
2.5 <i>Проксемика стульев</i>	81
2.6 <i>Self, которое концентрируется на функции Личность</i>	83
3. Пересмотр Эго-функции Self	84
3.1. <i>Эго-функция: организм в своем стремлении к контакту</i>	86
3.2. <i>Семья: контакты ... ищущие контакт</i>	88
3.3. <i>Контакт телесен</i>	92
3.4. <i>«Правильное» слово контакта</i>	97
3.5. <i>Контакты, которые продолжают друг друга</i>	99
Глава 5. Терапевтическая работа с семьями	103
1. Посылки	103
1.1. <i>Семья как герменевтический принцип</i>	103
1.2. <i>Место семейной терапии: «здесь и сейчас» и «настоящее для будущего» в телесном переживании контакта</i>	107
2. Ритм терапевтической сессии	108
2.1 <i>От симптома одного человека к качеству контакта всей семьи</i>	108
2.2 <i>Танец стульев</i>	112
2.3 <i>Танец навстречу друг другу: Танец местоимений</i>	117
2.4 <i>Переходя к завершению сессии</i>	122

Глава 6. Сессии семейной гештальт – терапии	125
1. Технические примечания.....	125
2. Восстановление родственных связей.	
Сессия Валерии Конте и Джованни Салониа.....	126
2.1. <i>Часть первая: от симптома к качеству семейных контактов</i>	126
2.2. <i>Часть вторая: Танец стульев и танец местоимений</i>	137
2.3. <i>Терапевты консультируются друг с другом</i>	160
2.4. <i>Оба терапевта возвращаются, делятся своими откликами и объясняют задание (см. рис. 6)</i>	162
2.5. <i>Окончание сеанса. Клинический аспект исследования</i>	164
2.6. <i>В заключение... возобновите танец: днем и с ребенком!</i>	168
3. Возвращение к танцу с животом.	
Сессия Джованни Салониа.....	168
4. Несостоявшаяся степень Джузи.	
Сессия Джованни Салониа.....	187
Литература	213

Предисловие

От Гештальт и Семейной Терапии (ГСТ) к Семейной Гештальт Терапии (СГТ)

Все началось однажды утром много лет назад в Университете LUMSA в Палермо, когда я с мелом в руке собирался изобразить на доске синхронно-структурное измерение семьи. Как обычно, я объяснял, что Гештальт-и-Семейная Терапия использует понятие Минухина «линии поколений», которое было заимствовано из Структурной семейной терапии. Я имел честь лично видеть работу Минухина много лет назад в Риме. В тот самый момент, когда я подошел к доске, меня осенило! Я повернулся к своим студентам и сказал: «На самом деле, то, что Структурная семейная терапия определяет как линию поколений, в Гештальт-и-Семейной Терапии называется функцией Личность Self (Personality-функцией Self). Меня очень заинтересовало мое открытие, и я продолжил объяснение. Тысячи мыслей, связей и предположений проносились у меня в голове (Исидор Фром был абсолютно прав, когда сказал, что идея порождает тысячу мыслей, но из тысячи мыслей не получается идея!). Я сразу же объяснил студентам, что мое утверждение является не попыткой провозгласить самодостаточность ГСТ, а расширением новых герменевтических и клинических горизонтов в структурном измерении семьи.

Изначально Структурную семейную терапию я изучал под руководством Мартина Киршенбаума и Кэрол Гаммер, а затем продолжил с незабываемой Сильвией Соккорси. Я встречал терапевтов, которые в своей работе с семьями сочетали Гештальт-терапию (ГТ) с принципами Структурной семейной терапии. Я помню, когда меня пригласили провести семинар в Университете Коннектикута, я познакомился с восхитительной парой, которая сочетала этот двойной подход в своем обуче-

нии: Эдвард Линч, гештальт-терапевт, и его жена Барбара Линч, структурный семейный терапевт. На самом деле, многие терапевты работают в основном с супружескими парами. В семейной терапии мне посчастливилось многому научиться у Джозефа Зинкера, бесспорного мастера и первопроходца, и у его коллеги Сони Невис, которая также является исключительно талантливым преподавателем. Как видно из моей первой статьи о ГСТ, опубликованной в 1987 году, впоследствии я много лет работал с семьями, используя комбинацию двух сопоставляемых моделей – ГТ и Структурной семейной терапии. Однако я чувствовал, что этот «брак» не был счастливым (хотя такого мнения придерживались многие гештальт-терапевты). Я же считал, что ему не хватает элегантности и креативности.

В этом контексте в то утро в Палермо интуиция подсказала мне, что структура семьи в ГТ – это не линия, которая разделяет/объединяет подсистемы, а скорее Personality-функция Self, своего рода *ordo amoris* («порядок любви») Августина, записанный в телах людей. Быть родителем, как и быть ребенком, в ГТ – это не просто концепция, роль, подсистема, а телесная идентичность, построенная на ассимиляции большого жизненного опыта и опыта контактов. Другими словами, линия поколений должна быть прописана в телах. Когда она отсутствует или нарушена, очень важно сосредоточиться на теле. Годы спустя, читая работу Дамасио «Автобиографическое Я», я с удовлетворением узнал, что нейробиология подтверждает гениальные новаторские предположения основателей ГТ. Это не структуры и не системы, а тела, которые встречаются друг с другом в полном и окончательном (*final*) контакте, если мы рассматриваем их в контексте функции Личность (Personality) Self. Я вспомнил слова Фрома: чем меньше вы знаете о ГТ, тем больше ваша склонность совмещать ее с другими подходами.

В этом смысле широко используемая аббревиатура ГСТ (Гештальт-и-Семейная терапия), к сожалению, является примером такого объединения концепций – ГТ и Семейной терапии. Сле-

довательно, я использую эту аббревиатуру только тогда, когда имею в виду предыдущие гештальт-модели. Вместо этого я буду использовать аббревиатуру СГТ (Семейная гештальт-терапия) для обозначения моей собственной модели (Танец стульев и Танец местоимений), поскольку она четко выражает то, как ГТ выступает в качестве независимой модели при работе с семьями.

С того утра в Палермо я начал путь теоретической разработки и клинической проверки моей гипотезы, длившийся более двадцати лет. В 1997 году, когда Британский Гештальт Журнал (British Gestalt Journal) принял статью, в которой я представил свою новую модель (Танец стульев и Танец местоимений), комментарии рецензентов подтвердили, что я был на правильном пути. Это подтверждение также пришло и из академической среды (я особенно хотел бы поблагодарить профессора Симонелли из Университета Падуи за ее приглашение представить мою модель), вместе со сравнениями с другими терапевтическими и гештальт-моделями. После более чем двадцатилетнего пережевывания теории и клинических экспериментов то озарение, которое посетило меня однажды утром в Палермо, привело в конечном итоге к появлению данной книги.

Благодарности

Я благодарен за то, что не был одинок все эти годы. Я особенно хотел бы поблагодарить некоторых моих коллег, которые были мне близки и участвовали в этом длительном исследовании. Во-первых, координатор Института гештальт-терапии Кайрос, Валерия Конте. Ее вклад не ограничивается ценными предложениями, которые она внесла во время пересмотра этого текста, но включает в себя многие годы, более двадцати пяти лет ко-терапевтической работы с сотнями пар и семей. Мы применяли и проверили описанную в данной книге модель. Валерия безусловно повлияла на ход моих мыслей и действий в отношении СГТ: ее тонкая клиническая интуиция, ее чувствительность к точности формулировок, ее своевременные и важные критиче-

ские замечания, ее личная и профессиональная аутентичность, ее искренняя и деликатная теплота. С ней я обнаружил, что работа в ко-терапии сама по себе является терапией. Постоянные обсуждения – это возможность для роста, даже когда мы сталкиваемся с неизбежными, а иногда и горькими, разногласиями во мнениях.

Еще один человек, чье присутствие ощущается в этой книге, – Антонио Сикера, научный консультант Института. Мы могли бы сказать, что Антонио представляет нашу эпистемологическую вершину: мы гордимся тем, что Антонио... наш Гудман. Он прекрасный литературовед, обладает глубоким знанием «Библии гештальта» («Возбуждение и рост человеческой личности» Перлза, Хефферлайна и Гудмана). Я наслаждался разносторонними дискуссиями с ним о теории и практике, об их корнях и связанных с ними современных разработках. Завершая наши совместные ужины с бокалом превосходной граппы, мы решили оставить наши размышления о тексте Перлза и Гудмана открытыми для дальнейшего изучения. Читая и перечитывая их работу снова и снова, мы обнаруживали малоизученные бесценные находки и сравнивали их с примерами постмодернизма, в соответствии с предложением Барта сопоставлять фундаментальные труды с ежедневными газетами. Многочисленные работы Антонио о Гештальте, Пиранделло, Павезе, Пазолини, Монтале демонстрируют, с каким уровнем ученой мысли мне посчастливилось столкнуться и впитать в себя. У меня бы никогда не хватило ясности и сил, чтобы провести свой обзор Эдипа, теории развития гештальта, теории Self, СГТ, если бы у меня не было его поддержки, его критического взгляда и его одобрения. Этот текст также был обогащен его точной редакцией и тонкими замечаниями и предложениями как по содержанию, так и по стилю изложения.

Также хочу выразить сердечную благодарность еще одному человеку, внесшему огромный вклад в публикацию этой книги – Агате Пизана. Без ее литературной компетентности и знания

ГТ, без ее страсти и самоотверженности эта книга осталась бы ненаписанной. Колоссальная работа по полному, точному и выверенному редактированию текста, которую она взяла на себя или, скорее, с необычайной щедростью подарила мне, привела к созданию финальной версии книги и сделала возможной ее публикацию.

Нить Ариадны

Описание изменений в семье происходит в рамках теории Базовой модели отношений (БМО), разрабатываемой мной в течение двадцати лет преподавания социальной психологии. Семья и постмодернизм являются важным контекстом для понимания различных подходов к семейной терапии, представленных во второй главе. Начиная с четвертой главы, я представляю свою модель: Танец стульев и Танец местоимений. Название напоминает о видении СГТ как средства восстановления танца тел и слов в семье, то есть встречи с самим собой и другими.

Наконец, стенограмма трех сессий. Первая была проведена с Валерией Конте, в то время как две другие провел я сам. Целью комментария к первым двум встречам было сделать своего рода микроанализ сессии, выделяющий ключевые моменты в терапии. Я решил не комментировать третью сессию, чтобы читатель мог получить свои спонтанные впечатления. Я понимаю, что читать полную стенограмму сессии тяжело, но я выбрал этот сложный путь по двум причинам. Во-первых, это было сделано для того, чтобы модель не выглядела состоящей только из более или менее чудодейственных техник или выверенных стратегий, что могло бы произойти, если бы я писал только о явно значимых отрывках сессии. Только следуя шаг за шагом за процессом, можно понять, как терапевты в СГТ руководствуются не протоколами, а постепенно возникающим опытом взаимоотношений. Определить, «когда» и «как» вмешаться, чтобы не прерывать интенциональность контакта, является решающим качеством для семейного гештальт-терапевта. Вторая причина,

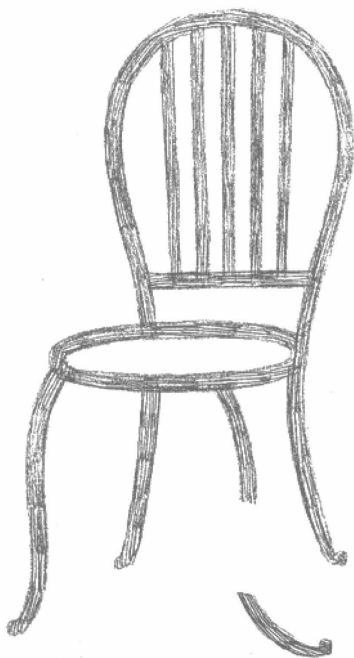
почему я опубликовал полную стенограмму сессии, заключается в убеждении, что наличие времени и терпения для их прочтения является непременным условием усвоения новой терапевтической модели без чрезмерного упрощения или сведения ее к тому, что уже известно. Как мы все знаем: «время разрушает то, что делается без него» (*le temps détruit ce qui est fait sans lui*).

Последнее примечание. Как гештальт-терапевт, я знаю, что карта (теория) пишется не столько территорией, сколько путешественником. Карта может не только не совпадать с городом, но она создается главным образом мыслями о человеке, который собирается ее использовать (его/ее способности и интересы). Именно личное внимание к путешественнику составляет разницу между различными (семейными) терапевтическими моделями и их распространением. Специфика гештальт-карты хорошо изложена в книге Итало Кальвино «Невидимый город» (*Le Città invisibili*), когда он описывает ковер Евдокии:

В Евдокии [...] хранится ковер, на котором можно увидеть истинный облик города. На первый взгляд кажется, что ничто так не напоминает Евдокию, как узор на ковре, [...] который выткан по всей основе. Однако, если вы остановитесь и внимательно посмотрите на него, вам начнет казаться, что каждое место на ковре соотносится с каким-то местом в городе и что все вещи, содержащиеся в городе, присутствуют и в узоре [...]. Но ковер доказывает, что есть точка, в которой город раскрывает свои истинные пропорции, геометрический узор, скрытый в каждой мельчайшей детали. В Евдокии легко заблудиться; но, когда вы сосредотачиваетесь на том, чтобы смотреть на ковер, вы узнаете улицу, которую искали, в малиновой, индиго или амарантовой нити, которая по извилистой тропинке приведет вас к фиолетовому ограждению, которое является вашим реальным пунктом назначения¹.

¹ Эта и следующие цитаты из итальянских библиографических ссылок были переведены с итальянского, если не указано иное. См. I. Calvino (1979), *Le città invisibili*, Einaudi, Torino, 102-103.

«Хорошая теория» (eu-doха) описывает, как сказал бы Минковский, создание источников здоровья или болезни. Вот почему СГТ принимает форму семьи, с которой она взаимодействует. Восстановленные семьи, неполные семьи, семьи с разными культурами, все они оказываются в общей точке поиска хороших отношений, которые позволяли бы членам семьи развиваться внутри и вне различных способов контакта. Принимая во внимание интенциональность контакта (достижение другого или быть достигнутым другим? И как?), теорию контакта (когда и как прерывается путь к другому?) и теорию Self (функция Ид, функция Личность и функция Эго), Гештальт-терапевт способствует возобновлению течения реки жизни и танцу встреч в семье, в которой чувства заблокированы.

Глава 1

ПОСТМОДЕРНИЗМ И СЕМЬЯ: БАЗОВЫЕ МОДЕЛИ ОТНОШЕНИЙ

1. Модели отношений в историческом контексте

Первый шаг в понимании личности, пары или семьи заключается в том, чтобы исследовать их в контексте общества, в котором они живут, и где являются зависимой переменной². Для этого мы рассмотрим некоторые ключевые характеристики современного общества, называемого «постмодернистским»³, и некоторые наши наблюдения о нем.

Начиная с 1950-х годов мы жили (и живем до сих пор) в период быстрых, глобальных, необратимых и глубоких изменений. Эти изменения оказали на нас сильное влияние – модифицировав технологический уклад нашей жизни, они одновременно поставили под сомнение (а во многих случаях и изменили) фундаментальные критерии нашей антропологии⁴, то есть способы восприятия и переживания личных и отношенческих смыслов существования. Современное человечество живет в пространстве, определяемом языком, высоким уровнем чувствительности и существованием различных точек зрения по поводу любого и каждого экзистенциального вопроса (и, следовательно, и по поводу нас самих: отношения между индивидом и сообществом, эмоциональные связи, влюбленность и любовь, брак, совместное проживание, сексуальность, этические нормы и т.д.).

Более детально анализировать современное постмодернистское общество мы начнем с того, что я считаю основным фактором всех антропологических изменений, – с определяющей роли субъекта в формировании отношений между индивидом и обществом⁵.

⁵ См. об этом Дж. Салония (1999), *Dialogare nel tempo della frammentazione*, в F. Armetta, M. Naro (ред.) *Impense adlaboravit*, Pontificia Facoltà Teologica, Palermo,

У человечества есть две потребности, которые могут сочетаться по-разному, в зависимости от того, какая из них является более приоритетной в каждом историческом периоде: потребность в самореализации (быть самим собой) и потребность в чувстве принадлежности (эмоциональных связях с другими людьми). На самом деле люди и социальные группы (дома, общины, общества) в своей повседневной жизни часто по-разному сочетают эти свои потребности (определяя соотношение центробежных и центростремительных сил, большую важность субъекта или группы). Напряженность между этими силами не может и никогда не должна быть окончательно разрешена, так как она является источником формирования различных комбинаций двух противоположных тенденций. Абсолютное доминирование одной потребности над другой порождает ситуации крайностей: когда людей захватывает стремление к чувству принадлежности, они становятся безликой массой, но в то же время, существование одного только «Эго» приводит к разобщенности и изоляции. Каждое сообщество, микро- или макро (*Gesellschaft* или *Gemeinschaft*), характеризуется какой-либо преобладающей в нем комбинацией этих двух сил, то есть Базовой моделью отношений (БМО)⁶.

Базовая модель отношений – это способ объединения двух тенденций, который не выбирается группой автоматически, а скорее является функциональным ответом на потребности группы в выживании. Поэтому, когда общество в целом испытывает чувство реальной угрозы выживанию (например, во время войны или голода), потребность в принадлежности автоматически становится приоритетной и вытесняет стрем-

572- 595; A. Giddens (2000) (ориг.изд. 1999), *Il mondo che cambia. Come la globalizzazione ridisegna la nostra vita*, Il Mulino, Bologna; Z. Bauman (2003), *Una nuova condizione umana*, Vita e Pensiero, Milano; U. Beck (2003), *La società cosmopolita*, Il Mulino, Bologna.

⁶ Кардинер уже писал о «Базовой структуре личности», которую создает каждое общество. См. A. Gardiner (1965) (ориг. изд. 1939), *L'individuo e la sua società*, Bompiani, Milano.

ление индивидов к самореализации (мы будем называть такую ситуацию моделью БМО/Мы). Однако, этот эффект не работает в отношении современного терроризма, поскольку террористические угрозы исходят не от официальной власти и порождают страх и панику. В этом случае потребность защищать и чувствовать себя защищенным побуждает индивида спонтанно жертвовать своей субъектностью и личной свободой, так как в противном случае он будет чувствовать себя виноватым и даже «предателем», если предпочтет собственную самореализацию групповым интересам. В модели БМО/Мы преимущества объединения против общей опасности очевидны. Люди легко и естественно подчиняются лидеру (который воспринимается в такой ситуации как наиболее компетентный человек) и поддерживают иерархическую систему социальных ролей. Ценность группы становится очевидной и однозначной (выражаясь, например, в форме любви к Родине). Единственный способ выделиться из массы в таких ситуациях – это стать либо лидером/героем (мистика роли лидера или героя всегда связана с контекстом Мы), либо, в противоположность лидеру, – трусом или, что еще хуже, предателем, который подвергает опасности все общество. Другие же члены группы ради сохранения единства и сплоченности остаются в этом случае неизвестными. Например, «неизвестный солдат» символически представляет имена тысяч «неизвестных солдат», отдавших жизни за свою страну.

Нормы социальной группы могут игнорироваться, но они никогда не ставятся под сомнение. Общество/сообщество всегда воспринимается как нечто более сильное, чем отдельный человек. Реальность переживается как неоспоримый факт, к которому люди должны приспособиться (зрелость – это переход от «принципа удовольствия» к «принципу реальности»⁷). Неочевидно, но в этой модели отношений измерение Мы явля-

⁷ Вероятно, будет излишним подчеркнуть тот факт, что в Вене начала девятнадцатого века преобладала модель BRM/Мы, и, соответственно, герменевтические параметры, используемые З.Фрейдом, и выводы, которые он из них сделал, отражают типичную логику BRM/Мы.

ется «мы против них», так как люди объединяются именно для того, чтобы быть защищенными «от них» (врагов, кем бы они ни были)⁸. БМО/Мы также встречается и в других специфических ситуациях, таких как влюбленность, первые недели жизни ребенка, формирование харизматических или фундаменталистских групп внутри социальных групп⁹.

Модель БМО/Я значительно отличается от БМО/Мы. Группа переходит к ней естественным образом, когда ее участники не чувствуют достаточно сильной опасности или угрозы выживания (когда нет голода, войны, эпидемий). В таких условиях центробежные силы возрастают и провоцируют ослабление и, в конечном счете, исчезновение стремления к ощущению принадлежности. В то же время, у индивидов возникает интерес к самому себе и к самореализации¹⁰. Границы принадлежности (в макро- и микро- группах) оспариваются (например, в 1968 году) до тех пор, пока они не начнут восприниматься индивидами как ограничивающие и ненужные. Как только исчезнет общественная потребность в безопасности, а вместе с ней и потребность в защитном чувстве принадлежности, Я начинает доминировать над Мы, а индивидуализм становится приоритетным общественным стремлением¹¹.

Сначала с гневом, а затем и с эйфорией, индивид возвращает себе свободу, принесенную когда-то в жертву безопасности и защите. Множество индивидуальных Я постепенно расщепляют соединительную ткань общества. Бауман сказал бы, что это делает его «текучим» (liquid society)¹². Метанарративы¹³, идео-

⁸ Например, такую конфигурацию имеют социокультурные группы, в которых возникает терроризм.

⁹ См. F. Alberoni (1977), *Movimenti e Istituzioni*, Garzanti, Milano.

¹⁰ См. M. Marzano (2014), *Il diritto di essere io*, Laterza, Roma-Bari.

¹¹ См. L. Friedman (2002), *La società orizzontale*, Il Mulino, Bologna; A. Giddens, *Il mondo che cambia*, cit.

¹² См. Z. Bauman (2003) (ориг.изд. 2000), *Modernità liquida*, Laterza, Bari; Id. (2006) (ориг. изд. 2003), *Amore liquido. Sulla fragilità dei legami affettivi*, Laterza, Bari.

¹³ См. J.F. Lyotard, *La condizione postmoderna*, cit.

Конец ознакомительного фрагмента.
Приобрести книгу можно
в интернет-магазине
«Электронный универс»
e-Univers.ru